

Лавеле Эмиль Луи Виктор де

**Современная Пруссия в политическом и
экономическом отношениях**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э55

Э55 **Эмиль Луи Виктор де Л.**
Современная Пруссия в политическом и экономическом отношениях / Лавеле Эмиль Луи Виктор де – М.: Книга
по Требованию, 2024. – 341 с.

ISBN 978-5-519-92162-6

ISBN 978-5-519-92162-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга состоитъ изъ статей, напечатанныхъ въ «Revue des deux Mondes» въ разное время отъ 1866 по 1869 годъ. Я полагаю, что онѣ и теперь представляютъ нѣкоторый интересъ, потому что важные вопросы, о которыхъ я говорю въ этихъ статьяхъ, представляются въ томъ же видѣ, въ какомъ они представлялись на другой день послѣ битвы при Садовѣ.

Вся центральная Европа занята нынѣ громадной работой по реорганизаціи своей территоріи; окончаніе и результаты этой работы еще неизвѣстны и непредвидимы.

Что будетъ съ Германіей? Удастся ли ей возстановить свое единство вступленіемъ южныхъ государствъ въ сѣверо-германскій союзъ или останется она раздѣленной на два клочка линіей Майна?

Что будетъ съ Австріей? Удастся ли ей поддержать союзъ различныхъ національностей, изъ которыхъ она состоитъ, удовлетворяя всѣмъ ихъ требованіямъ, или эти требованія будутъ несогласны съ существованіемъ государства и древняя имперія

исчезнетъ, оставивъ на востокъ Европы пустое пространство, которое занять суждено панславизму?

Отъ разрѣшенія этихъ двухъ задачъ зависитъ вся будущность европейскаго континента.

Относительно Германіи, я полагаю, можно утвердительно сказать, что рано или поздно, подъ формой конституціонной монархіи или федеральной республики, она достигнетъ до единства. Единство, закрѣпленное болѣе или менѣе твердыми узами, составляетъ предметъ желанія всѣхъ германцевъ. Съ тѣхъ поръ какъ національное чувство проснулось по ту сторону Рейна, они хотятъ образовать государство достаточно сильное для сопротивленія сосѣдямъ, достаточно соединенное и сплоченное, чтобъ не дозволить чужестранцамъ пользоваться, какъ нѣкогда ихъ внутренними раздорами. Они понимаютъ, что благосостояніе, величіе и безопасность ихъ родины не могутъ быть пріобрѣтены иною цѣной.

Граница Майна исчезнетъ. Предписанная Германіи на Никольсбургскихъ конференціяхъ императоромъ Наполеономъ, какъ импровизированный выходъ изъ затруднительнаго положенія, эта граница не основывается ни на историческихъ преданіяхъ, ни на топографическихъ условіяхъ, ни на предѣлахъ расъ, ни на желаніяхъ народонаселенія.

Съ самыхъ первыхъ временъ среднихъ вѣковъ различныя германскія племена были соединены общими узами. Тоже неизбежно предстоитъ Германіи и въ будущемъ.

Единственный вопросъ, требующій разрѣшенія, состоитъ въ томъ: Германія ли поглотитъ Пруссію,

какъ Пьемонтъ вошелъ въ составъ Италіи, или Пруссія поглотитъ Германію. Съ общей точки зрѣнія это вопросъ второстепенный, неважный, ибо конечный результатъ будетъ одинъ и тотъ же. Когда единство будетъ достигнуто, то каждый элементъ будетъ пользоваться той долей вліянія, которая пропорціональна его дѣятельности, силѣ и разуму.

Въ настоящее время, благодаря союзу двухъ партій радикаловъ и клерикаловъ, Виртембергъ и Баварія удаляются отъ сѣверо-германскаго союза; но это дѣлается не отъ непріязни юга къ единству, но отъ нелюбви къ Пруссіи. Однако это движеніе поверхностное и мимолетное. Если прусское правительство вступитъ на либеральный путь, то мгновенно исчезнетъ всякая оппозиція. Существуетъ высшая необходимость, которая возьметъ верхъ надъ всѣми мелочами и въ концѣ концовъ приведетъ къ неизбѣжнымъ результатамъ.

Если не будетъ войны, то единство Германіи образуется мало-по-малу подъ вліяніемъ экономическихъ интересовъ и общенія идей, посредствомъ законовъ, которые введутъ повсюду общіе тарифы, одну монетную систему, одинъ и тотъ же кодексъ гражданскій, уголовный и коммерческій. Если на Германію нападетъ внѣшній врагъ, то единство образуется вдругъ, насильственно, въ виду необходимости спасти общее отечество.

Нѣкоторые публицисты утверждали, что власть, данная конституціей сѣверо-германскаго союза прусскому королю, излишня, нелѣпа и совершенно

деспотична. Я понимаю, можно сожалѣть, что эта власть дана прусскому королю, но во всякомъ случаѣ необходимо, чтобъ эта власть была сосредоточена въ рукахъ какого нибудь монарха или президента—иначе не будетъ федеративнаго государства, а лишь собраніе государствъ, какъ бывшій германскій союзъ.

Если во всемъ, что касается общихъ интересовъ, мѣстныя власти не преклоняются передъ центральной властью, то союзъ будетъ отличаться неизбѣжною слабостью, онъ всегда будетъ наканунѣ расторженія и ему вѣчно будетъ угрожать опасность вторженія сосѣднихъ лучше устроенныхъ государствъ. Зло, скрывавшееся въ нѣдрахъ прежняго устройства Германіи и едва не доведшее ее до гибели, заключалось въ томъ правѣ veto, которымъ пользовались слишкомъ многочисленные германскіе государи. Безъ настоящей реформы, Германія рано или поздно раздѣлила бы участь Польши.

Если принять въ соображеніе только интересъ народовъ, а не государей, то можно ли сожалѣть, что король саксонскій или герцогъ брауншвейгскій не имѣютъ права располагать своей арміей и заключать союзы? Полезно ли для Германіи, чтобъ король баварскій или великій герцогъ баденскій могъ въ настоящее время, какъ нѣкогда король ганноверскій, призывать на свою помощь чужестранную армію и принуждать германцевъ убивать другъ друга изъ честолюбія царствующихъ династій.

Швейцарія пріобрѣла силу и единство, необходимыя для независимаго существованія всякой націи

только съ 1848 года, когда кантоны были подчинены во всемъ, что касается общихъ интересовъ федеративной власти. Соединенные Штаты также въ различные времена увеличили власть центрального правительства. Если въ Австріи центральное правительство уступить всю власть мѣстнымъ сеймамъ, то чрезвычайно трудно будетъ избѣжать окончательнаго распаденія этой имперіи.

Въ сѣверо-германскомъ союзѣ эта необходимая центральная власть могла быть вручена только прусскому королю, такъ какъ лишь въ пользу его одного другіе государи согласны были отказаться отъ части своихъ правъ. Франкфуртскій парламентъ 1848 года былъ великимъ народнымъ собраніемъ: онъ издалъ отличные законы; но что могъ сдѣлать викарій германской имперіи для приведенія ихъ въ исполненіе? Нужно ли было возобновлять эту грустную попытку?

Вотъ что необходимо принять въ соображеніе для правильнаго обсужденія настоящаго положенія дѣлъ по ту сторону Рейна. Чтобъ Германія могла быть управляема единственно постановленіями парламента, необходимо изгнать всѣхъ государей. Пока же они будутъ царствовать, они не станутъ повиноваться центральной власти иначе, какъ если эта власть будетъ въ рукахъ короля, достаточно сильнаго, чтобъ побороть ихъ оппозицію.

Создать націю, состоящую изъ кантоновъ и независимыхъ государствъ, и въ то же время способную къ единой, общей жизни и къ защитѣ своихъ предѣловъ въ случаѣ необходимости—дѣло очень

трудное. Образовать же федерацію изъ независимыхъ государей совершенно невозможно безъ вмѣшательства монарха болѣе могущественнаго, чѣмъ всѣ государи, взятые вмѣстѣ.

Джонъ Стюартъ Милль, говоря объ услугахъ, оказанныхъ монархіей въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, замѣчаетъ слѣдующее: «Одна изъ величайшихъ преградъ прогресса даже при высокой степени цивилизаціи, это закоренѣлый духъ мѣстной независимости. Нѣкоторыя единицы человѣчества, способныя во многихъ отношеніяхъ пользоваться свободой и готовыя ее принять, могутъ не имѣть необходимыхъ качествъ для образованія хотя бы самой мелкой націи. Насколько мнѣ извѣстно, значительное количество подобныхъ политическихъ атомовъ никогда не соединялось въ одно тѣло, никогда не ощущало сознанія, что, они одинъ народъ, безъ предварительнаго подчиненія *центральной власти*» ⁽¹⁾.

Это замѣчаніе Милля вполне объясняетъ почему объединеніе Германіи совершается рукою Пруссіи.

Но слѣдуетъ ли сожалѣть о послѣдствіяхъ Садовы и желать, чтобы единство Германіи не совершилось окончательно? Я иногда слышу во Франціи выраженіе подобныхъ сожалѣній и желаній со стороны людей просвѣщенныхъ и справедливыхъ, но я полагаю, что эти чувства внушены имъ ложнымъ патріотизмомъ. Если взять въ соображеніе не воен-

⁽¹⁾ On representative like Government, by J. S. Mill. Ch .IV.

ное соперничество сосѣднихъ государствъ, но дѣйствительный интересъ всѣхъ европейскихъ народовъ, то нельзя отрицать, что единство Германіи большое благо.

Единство, во-первыхъ, дастъ Германіи болѣе безопасности, силы и средствъ для экономическаго развитія. Оно отвѣчаетъ потребностямъ и желаніямъ 40 миліоновъ людей, что само по себѣ уже значитъ много. Во-вторыхъ, оно создастъ въ центрѣ европейскаго континента государство достаточно могущественное для поддержанія дѣйствительнаго политическаго равновѣсія и достаточно сплоченное, чтобъ не представлять болѣе своими внутренними раздорами повода сосѣдямъ вмѣшиваться въ его дѣла, разжигать распри и увеличивать свои владѣнія на его счетъ. Такимъ образомъ будетъ уничтоженъ постоянный поводъ къ войнѣ и воздвигнута новая преграда противъ духа завоеваній. Въ третьихъ, соединенная Германія—единственный оплотъ, могущій остановить распространеніе панславистской имперіи, стремящейся къ господству надъ всей Европой. Дѣйствительно, при существованіи Германіи раздѣленной, раздробленной, угнетенной, кто же будетъ въ состояніи,—конечно не Франція, изолированная на берегахъ атлантическаго океана,—остановить непреодолимое сосредоточеніе славянскихъ народовъ на берегахъ Вислы, Дуная и Молдавы.

Сожалѣть Садову! Но подумайте, что случилось бы, еслибъ Австрія побѣдила? Это было бы торжество ультрамонтанскихъ идей и принциповъ конкордата, это вело бы къ угнетенію Италіи и Венгріи,

къ уничтоженію свободы, къ возстановленію метерниховской системы. Однимъ словомъ это было бы возвращеніе къ тому времени, когда Германія держалась подъ игомъ кроатскихъ и венгерскихъ полковъ, а весь востокъ австрійской имперіи наполнялся германскими штыками. Пораженіе подъ Кениггрейцомъ было освобожденіемъ всѣхъ народовъ Австріи. Съ этого памятнаго дня всѣ они стали питать надежду возвратить себѣ свободу, и никто, даже Вѣна, не сожалѣетъ того удара судьбы, который расторгъ общія оковы. Тогда произошла неожиданная и знаменательная перемѣна въ общественномъ мнѣніи Европы; съ той минуты всѣ либеральные умы стали вмѣсто ненависти питать къ Австріи полное сочувствіе. Не доказательство ли это великаго прогресса?

Франція, сдѣлавшись нынѣ снова распорядительницей своихъ дѣйствій, должна ли въ случаѣ необходимости защищать оружіемъ границу Майна, сочиненную императоромъ Наполеономъ? Если Франція намѣрена только защищать сосѣднія мелкія государства отъ нападеній Пруссіи, то она въ своемъ правѣ, подѣ тѣмъ однако условіемъ, чтобы она не позволяла себѣ того, чего не дозволяетъ другимъ. Но если она хочетъ помѣшати всѣмъ государствамъ южной Германіи, или хотя бы одному изъ нихъ, вступить въ сѣверо-германскій союзъ, то на сторонѣ ея не будетъ ни права, ни разума. Въ предѣлахъ своей страны французы считаютъ себя въ правѣ распоряжаться своими дѣлами по собственному желанію, и горе тому, кто осмѣлился бы вмѣ-

шаться въ ихъ внутреннія распоряженія. По какому же праву хотятъ запретить германцамъ дѣлать тоже по ту сторону Рейна? Это было бы нечестивымъ притязаніемъ и противорѣчіемъ, возмущающимъ совѣсть Европы, а главное—оно только ускорило бы то событіе, которое хотятъ задержать.

Если Франція протянетъ руку Германіи и открыто объявитъ, что не имѣетъ ни права, ни желанія вмѣшиваться въ ея дѣла, то мѣстная оппозиція противъ сѣверо-германскаго союза увеличится въ южно-германскихъ государствахъ. Если же на-противъ Франція будетъ продолжать дѣйствовать изъподътишка, оставляя въ резервѣ на случай необходимости *casus belli*, то всякій патріотъ германецъ будетъ обязанъ встать подъ знамена Пруссіи. Торговаться и жалѣть людей и миліоны—значило бы измѣнить отечеству и предать его, какъ нѣкогда, въ руки чужестранныхъ завоевателей.

Итакъ современное положеніе Германіи можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ. Рано или поздно окончательно создастся единство, образующееся болѣе тысячи лѣтъ. Этого единства Германія достигнетъ путемъ свободы, медленно къ торжеству самой свободы, если Франція перестанетъ быть враждебной, и оно будетъ достигнуто насильственнымъ, внезапно, къ торжеству монархической и военной власти, если Франція будетъ поддерживать свое сопротивленіе.

Единство Германіи желательно со всѣхъ точекъ

зрѣнія; оно принесетъ большія выгоды Германіи, всей Европѣ, даже Франціи, такъ какъ уничтожитъ предлогъ вмѣшательства и завоеванія.

Литихъ.

5 апрѣля 1870 г.